

Молодежь
Молдавии —
Кишинев. — 1920. —
27 февр.

КУ КОЛ КА

Прежде всего — договоримся: фотография к Марине не имеет ровным счетом, никакого отношения. Это одна из ее героинь, может даже, и несостоявшаяся — перед вами фотопроба на роль.

Героиня, наверное, — хрупенькая девочка, белокурая куколка, создание кроткое, слабое, почти родниковое...

Белокурую Марину тоже при знакомстве кое-кто принимал за хрупенькое и кроткое.

Когда на всесоюзном конкурсе красоты «Мисс СССР» проводился такой подконкурс — «Киношанс» и Марина в нем участвовала, ее, как и остальных, попросили проделать перед камерой две несложные на стороне вещи. Она должна была крикнуть: «Пожар!» и сказать: «Я тебя люблю». Предыдущие претендентки на звание Мисс выполняли требование безропотно. Кто смотрел конкурс по телевидению, до сих пор, думаю, забыть не может эти истошные вопли и сладострастные, на грани неприличия, завывания про любовь.

Марину усадили в кресло, и тут она заявила, что про пожар кричать не станет. То есть как? — спросил режиссер Грамматилов, который руководил съемкой. А так — не буду, и все, — отвечала Марина.

Сначала все подумали, это шутка. В таких предприятиях не очень-то считаются с желаниями и капризами участниц. Однако ни уговоры, ни даже угрозы — ничего не помогло.

Ну и ну, сказал режиссер Грамматилов, который-то знает, как объезжать непокорных исполнителей.

За строптивость главной, как утверждали члены жюри, претендентке на звание «Мисс Киношанс» досталось лишь звание вице-Мисс.

С ее-то характером — на конкурсы красоты? Там любят покорных, тихоньких, которых можно переставлять, как взду-

мается, рядить в какие угодно одежды. Таковы условия игры, и никому не позволено их нарушать. Помню ошеломление одного из членов жюри конкурса «Тираспольская красавица-88» — очень хорошо помню, потому что это был наш коллега — когда Марина отшла глупенький, сценаристом придуманный вопросик про то, «какие она чувства испытывает, когда видит красивую девушку». Ого, говорил коллега, поеживаясь (дело в том, что вопрос был вложен в его — как члена жюри — уста), вот это да! В тираспольском конкурсе Марина Майко стала абсолютной победительницей.

Ей предложили сниматься в кино. Это было буквально спустя несколько дней после той победы, мы вместе записывались на телевидении для новой программы. Сценарий — вечная проблема! — опять-таки был совершенно дурацкий, статисты за кадром просто со смеху катались, когда ведущие с невозмутимым видом читали текст. Марине выделили небольшой эпизодик, связанный с конкурсами красоты, и мизансцену предложили — не дай вам бог. Уж не знаю, как это она не повернулась и не ушла, как согласилась выполнять задание — но знаю, что, выйдя на площадку, под телевизионные прожектора, она поразила всех естественностью и простотой. И мизансцена вдруг стала — очень даже ничего, и текст зазвучал. Какая способная девочка, сказал точно из-под земли вынырнувший человек с киностудии, и тут же стал звать ее на роль. Марина отказалась так твердо, что человек пропал и больше не объявлялся.

— Почему отказалась? — спросил тогда я.

— Не люблю, когда из меня делают куклу, — огрызнулась она, и больше к этой теме не возвращалась.

И когда после всесоюзного

конкурса из Москвы дошли слухи, что Марину вновь приглашают, и не куда-нибудь, а в «Закат», по Бабелю, я ужасно обгорчился, ибо слухи эти заканчивались фразой: «а она не согласилась». Отказаться работать с классикой, да на «Мосфильме», да среди прекрасных актеров, с которыми каждый сочтет за честь просто рядом стоять на съемочной площадке — ну, это слишком! это уже вам не «пожар!» крикнуть. На Марине с ее талантами и способностями, независимостью и прочим был поставлен крест — раз и навсегда.

Однако слухи оказались верны ровно наполовину — на первую половину; а дальше шла просто вульгарная «деза». Покуда мы, знакомые и приятели, осуждающе пожимали плечами, Марина уже снималась в Евлатории в первых своих эпизодах. И скажите, как тут не стать суверенным, если получила она роль Маруси — а за месяц до того на «Венце» ее действительно представили как Марусю, вернее, как Марию, ошиблись в имени.

Последний раз мы встречались перед Рождеством, Марина только прилетела из Москвы и вновь готовилась в обратный путь — надо было доснять в крупных планах. В перерывах между съемками она сдавала сессию — студентка Майко не собирается бросать свой Тираспольский педагогический. Тогда она сказала: «Закончу роль — и все. Довольно. Интересно было попробовать...».

Я опять пожал плечами, а спорить не стал, поди с ней поспорь. Я только подумал, что до сих пор понять не могу, чего же в ней все-таки больше: упорства — или упрямства. Работа в кино уже сделала свое дело: звездные нотки появились, но как же непривычно они и обезоруживающе звучат. Хотя, признаться честно, не хотелось бы мне, чтобы они за-

крепились в Маринином голосе. Полтора года назад — боже мой, всего только полтора года! — она пошла напролом, пошла на эпатаж, потому что конкурс красоты — это звучало неприлично и на родителей нагоняло дрожь. «Я должна была победить в «Тираспольской красавице», потому что мне сказали, что не смогу победить никогда».

А некоторые зрители, я слышал, нежно называют ее куколкой. Куколкой ее называли и организаторы «Красавицы» — но чуть пренебрежительно. Они тоже не ожидали такой хватки. И все-таки, в каком-то смысле она еще действительно куколка — неизвестно, какой Марина Майко станет, когда окончательно вылупится из детского кокона на свет. Я так думаю, нас еще ждет немало сюрпризов. И вот — по крайней мере, для меня — первый: она дает согласие сниматься в новых картинах. Киноэuforia проходит, начинается серьезная работа. Мама, Галина Петровна, которая не привыкла к таким темпам и скоростям, почти растерянно говорит по телефону: «Она опять на съемках...». Папа, Владимир Леонидович, таит гордость за дочь за обычной мужской бравадой. Совсем не сентиментальная девочка Марина, когда я предложил ответить на вопрос о людях, сыгравших главную роль в ее жизни, тут же выпалила: «Давай о моих родителях!».

Совсем недавно она призналась: «Я больше всего боялась, если съемку остановят из-за меня, если сделаю что-то не так». Среди профессионалов — а на «Закате» работали люди маститые, известные в театре и кино: Княжинский, Волкова, Чхиквадзе, Гаухман-Свердлов — она оказалась равной, потому что сумела почувствовать свою ответственность перед другими. Лишь однажды она испытала настоящий шок — когда увидела себя самое на экране. И долго не могла привыкнуть: «какой ужас, сплошное кривляние». Но ей сказали: ты еще не понимаешь, и надо продолжать работать, оценим потом. И она стала работать дальше.

Она совершенно уверена, что личная жизнь ее переменилась к лучшему, хотя никакие осязаемых перемен вроде бы и нет. «Просто я стала глубже понимать людей и точнее оценивать себя».

Престижный «Советский экран» поздравил ее с дебютом, а она просила-умоляла меня, чтобы не забыл и извинился за нее перед «Мисс Молдавией», титул которой нерадивый журналист присвоил Марине: «Пожалуйста, напиши, что он просто все перепутал и это не моя вина!».

«Закат» закончен, и это будет для нее большим испытанием, ибо параллельно еще на двух киностудиях снимались... еще два «Заката», еще два фильма по Бабелю. И Маруся Марини Майко — лишь одна из трех Марусь, а двух других играют известные актрисы. Зритель, конечно, будет сравнивать. Профессионалы же сказали свое слово: предложения не иссякают.

Не знаю, что случится завтра. Возможно, Маринина кинопопья тихо закончится и она вернется к прежней оседлой жизни. Да это и неважно. Я писал не про кинозвезду а про совсем еще молодого человека, который пытается не позволять обстоятельствам ли, отдельным ли людям брать себя под уздцы. Который способен идти наперекор. И в котором есть: упрямство — и упорство. От того, что перевесит, будет зависеть вся судьба Марини Майко.